

Мое взрослое
ЛЕТО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Лолита Моро

18+

Лолита Моро
Мое взрослое лето

«Автор»

2025

Моро Л.

Мое взрослое лето / Л. Моро — «Автор», 2025

Простая девчонка с донских берегов встречает основного питерского парня. Бандитский "лепила" и невинная барышня. Старые долги одного и семейные обстоятельства другой крепко связывают их на время. А что потом? Разбегутся навсегда? Или все-таки вечная любовь?

© Моро Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. От станицы до столицы	7
ГЛАВА 2. Северная столица	11
ГЛАВА 3. Кирсанов	15
ГЛАВА 4. Столичные нюансы	20
ГЛАВА 5. Абитура	25
ГЛАВА 6. Он или не Он?	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лолита Моро

Мое взрослое лето

ПРОЛОГ

В салоне автомобиля ярко пахло порохом, свежей кровью, черносмородиновым алкоголем. И над всем царил аромат Кензо.

– Поставит братва тебя на перо, лепила, как пить дать, – прохрипел раненый.

По подбородку его текла кровавая слюна. Капала на малиновый пиджак. Толстенная золотая цепь опасно врезалась в шею.

– Ну, что поделаешь, – философски заметил врач, разрезая ткань на левом рукаве ножом-бабочкой, – двум смертям не бывать, а одной... ну ты сам знаешь, Арчеда.

– И все равно будешь лечить? – усмехнулся вор. Кровь быстро отливала от его грубого лица.

– Лечить – не моя работа, но до больницы доедешь, – лепила усмехнулся не хуже, – и давление заодно снимем. Кровоупусканием.

– Что значит “на перо”? на нож, так ведь? – я не верила своим ушам, – дядя Миша, он ведь обязан тебя спасти, Кир – доктор, он клятву давал.

– Мало ли, кто чего кому давал, – хохотнул вор в законе Миша Арчеда. Закашлял, задохнулся и отключился.

– Ловко ты его в несознанку отправила, детка, – улыбнулся Кирсанов и подмигнул, – сейчас мы его оживим.

Он вытащил из своей сумки белый ящик с инструментами и перевязочный пакет. Я таких штук и не видывала никогда, хотя проработала целое лето в станичном фельдшерском пункте. Кир надел полупрозрачный зеленый халат и с ловкостью факира, разрезал шкуру человека и вытащил пулю из левого предплечья. Раненый застонал, кровь послушно прекращалась под руками чудо-доктора.

– Мерс жалко, весь в кровянице уделали, – говорил он, делая перевязку, – а ты, я замечаю, крови не боишься, малышка?

– Нет, – ответила я.

Мужчина пришел в себя. Зашипел и заматерился.

– Легче на поворотах, больной, – ухмыльнулся Кир, – с нами дамы.

Вор рассказал вкратце, что он думает о дамах. Потом о лепилах-убийцах, которые режут наживую деловых людей.

– Ладно пылить, Арчеда, никто тебя убивать не собирается. Сейчас в Скорую доставим, и ты всех нас переживешь. Садись за руль, хорошая моя, – велел Кирсанов, – погнажи к хирургам на стол.

– А водитель?

Я не то чтобы боялась, но вид мертвого человека, упавшего лицом в рулевое колесо, как-то не воодушевлял.

– Наповал? – не открывая глаз, проговорил вор.

– Да, – я ответила.

– Выкинь его на дорогу, девочка. Менты найдут, сразу поймут что-почем.

Я послушалась. Стараясь не смотреть убитому в лицо, я с невероятным усилием вытащила мертвое тело и аккуратно положила на дорогу. Стеклeneющие глаза смотрели в черное ночное небо.

За те двадцать минут, пока мы возились, ни одна машина не проехала мимо.

Кирсанов сел за руль своего «альфа ромео». Поехал по направлению к трассе. Я на мерседесе Арчеды старалась не отставать.

– Что вы здесь делали? – раздался с заднего сиденья голос вора, – и не вздумай мне врать, казачка.

– Мы были в гостях, – я не видела повода скрывать, – праздновали чей-то день рождения на чьей-то даче, потом домой поехали. Завернули за поворот, а тут вы стоите. Двери открыты. Ключ в замке зажигания.

– Кто первый в машину полез?

– Я, – не моргнув глазом, соврала я. Сама от себя не ожидала.

– Дипломат был?

– Я не видела. Не было, наверное.

Дядя Миша не стал ничего больше выяснять. Может быть, потерял сознание.

Идущее впереди «альфа ромео» моргнуло поворотником. Кирсанов мгновенно выскочил на трассу и сразу втопил за сто км/ч. Черная машина исчезла в потоке на счет раз. Забыл про меня?

Я отстала безнадежно.

– А его правда могут убить, дядя Миша? За что?

– Будет, как я захочу. Или Бор решит, – очень тихо проговорил вор, – если я кони двину, моя братва лепилу приговорит. А выживу, тогда Бор парня твоего не помилует.

– А Кац? – я спросила просто так, на удачу.

Дорога занимала все мое внимание. Машины неслись, как угорелые. Свет фар лупил по глазам. Я никогда в жизни не передвигалась со скоростью выше пятидесяти километров в час. Да еще ночью.

– А ты и Каца знаешь? – удивился после длинной паузы раненый.

Я кивнула.

– Ну-ну.

Возникла пауза. Я начала переживать: не помер ли мой собеседник и земляк.

– Нравится тебе лепила? Давай признавайся, соседка? – вдруг произнес он.

– Нравится, – высказалась я, вздохнула, – я ему не нравлюсь.

– Ну это поправимо.

Я отважилась на мгновение оторвать взгляд от дороги, посмотрела в зеркало заднего вида. Очень бледное лицо качалось в такт движению автомобиля. В паре сантиметров от виска мужчины на подголовнике темнело крохотное отверстие.

– Ты везучий, дядя Миша. Стрелок промазал самую малость, – высказалась я, – не надо ничего поправлять, пожалуйста.

– Ты скорость держи, казачка, – хрипло заметил хозяин мерса.

– Так я вроде не нарушаю, – удивилась я.

– Ехать на мерине-шестьсот меньше ста на этой дороге? Не нарушает она! Все мусора твои будут, девочка. Решат, что мы бухие в дым. Дай газку.

Но трасса скоро перешла в проспект, и я вздохнула облегченно. Скорость вынужденно упала, пошли светофоры с желтым миганьем. Город вырос со всех сторон. Неизвестно откуда перед капотом возник Кир на своем выпендренном каре. Никуда не торопясь, он отпилотировал нас к станции “Скорой помощи” без происшествий.

Не успели мы подойти к двери приемного покоя больницы, как позади раздался громкий хлопок. Мерседес вспыхнул, как факел, и сгорел за восемь минут...

ГЛАВА 1. От станицы до столицы

С погодой везло. Конец июня стоял теплый, щедрый на дожди. Степь цвела ярким разнотравьем. Ласковый восточный ветер тыкался щенком под коленки и шептал запахом тюльпанов:

– Беги, девочка...

Седьмой час утра. По дороге меня обогнал рейсовый икарус. Я помахала шоферу рукой. Он кивнул, узнавая. Я прибавила шаг. Хотя прекрасно знала, что времени хватает. А водитель еще заедет домой позавтракать. Но бежать хотелось. С горки вниз, мимо белой стены Храма Воскресения Христова, к площади и стоянке автобуса. Просто бежать вперед.

– Здравствуй! Ночевала, красавица! Куда-то ты с утра да пораньше?

– Слава богу! Здравствуй, казак?

Со мной поравнялся Федька Табунщиков. Верхом на вороном своем жеребце. Босиком и в черных штанах с красными лампасами. Мой однофамилец и дальний родственник. Настолько дальний, что надумал свататься ко мне этой осенью. Я попробовала пропустить его вопрос мимо ушей.

– Слава богу, лапушка! Почему с рюкзаком?

Вот привязался! Всем должна я докладывать, куда еду, зачем.

– Еду в Ленинград.

– Зачем?

– Глаза на рынке продавать.

– Да знаю я! В университет надумала. Говорю тебе, замуж за меня выходи, Владка! Поженюсь осенью, я тебе дом над Доном построю! Хошь, рядом с Обителью. Ты же туда со своей бабушкой по воскресеньям ходишь, а еще комсомолка!

– Нет, Табунщиков. Не уговаривай и не надейся. И я не комсомолка, не выдумывай.

– А ты оставайся, Владочка. А то не вернешься назад, что я делать стану?

– А ты в Дон кидайся. Только смотри, с высокого берега прыгай, и головой вперед стайся.

– Не жалеешь ты меня, не любишь, а я только о тебе и думаю. Руку вон правую до мозолей об себя стер.

– Об Танюху Краснянскую ты себя стер.

– Врут бабы! Наговаривают на казака, ведьмы старые...

Мы привычно препирались. Вороной фыркал и мотал красивой тяжелой башкой. Я посмотрела на парня внимательно. Все же уезжаю за полторы тысячи верст. А вдруг и вправду не вернусь?

Солнце со спины подсвечивало плечистую сильную фигуру. Из-под фуражки выбивался черный чуб. У нас в семье все чернявые. Только я да бабушка блондинки. Пахло табаком, мужским потом, седельной кожей. И конем, понятное дело. Щетина на щеках мужчины грозила прерасти в бороду.

Федька поймал мой взгляд.

– Я побреюсь, лапушка. Обязательно. Не уезжай! Приходи лучше вечером целоваться, а? Хороший он парень, но болваааан!

Икарус уже стоял на площади, первая дверь открыта. Я, не оборачиваясь, махнула рукой верховому. Сегодня утром из станицы уезжала только я одна.

Я давно никуда не ездила на поезде. Лет десять, если не больше.

К родне в Ростов и Ворошиловград мы с бабушкой добирались на автобусе. На день Победы нас от школы возили в Волгоград. Опять-таки на автобусе. Экскурсия почему-то всегда была одна и та же, к дому героя Павлова и в Панораму. Но учителя и школьники привыкли

и радостно потом бегали в областном центре по магазинам. В них ничего не было, кроме консервов и конфет. Не шоколадных, разумеется, их, поди, и в самой Москве днем с огнем не найдешь. Мы с бабушкой любим карамель. Вот ее в большом гастрономе под братским названием “Минск” всегда хватало. Я покупала самую разную, давно распробованную и с незнакомыми названиями. Потом бабушка перемешивала конфеты в большой керамической вазе. Я всегда брала наугад, не глядя. Иногда тайком загадывала желания. Сбудется-не-сбудется. Вот такая моя личная примета.

Сегодня утром я по-привычке сунула руку в волшебную конфетницу. Три штучки на дне. И я точно знала, что это лимонные леденцы. Увы. Погадать не вышло. Я взяла две. Все же я в дорогу отправляюсь. Одну оставила бабушке.

У входа в плацкартный вагон стояла проводница в красном берете. Я протянула ей заветную картонку билета. Она оглядела меня с ног до головы тяжелым взглядом из-под набрякших невыспавшихся век. Потом посмотрела на билет, словно в первый раз увидела.

– Ты где его купила? – до меня долетел запах. Как выражается наша соседка Любаха “со вчерись”.

– В Суровикино.

– Ты одна?

– Одна.

– Лет скока?

– Девятнадцать, – я не понимала, если честно, смысла допроса при посадке на поезд Волгоград-Ленинград.

– В сторонку пока отойди, – тетя в форме показала себе за спину.

Мимо нас проходили люди с вещами, коробками, котомками. Показался полный одышливый мужчина в железнодорожной форме.

– Начальник! Вот ты тока погляди! Что прикажешь делать? – проводница негромко, но язвительно обратилась в тостому дядьке, тыкая с мою сторону красным флажком.

– А чо? – тот сделал непонимающее лицо.

– Через плечо! Куда мне ее девать-то?

– У тебя ж напарника нет? Вот в своем купе и запри, – начальник поезда старательно делал вид, что торопится. Проводница зацепила его за рукав. – Катерина, отпусти меня на волю!

– А место ее как же? Пропадет?

– Бери, так и быть, продавай. Но чтоб тихо, поняла? Если что, я в отказ пойду полный.

Лично я ничего не поняла из их диалога. Электровоз тонко свистнул.

– За мной, – скомандовала бывалая тетя по имени Катерина.

И мы пошли в следующий вагон. Там повернули назад, и женщина завела меня в узкое служебное купе. Велела сидеть тихо и ушла. Лязгнула ключом в замке.

Целый час я просидела на теплом дерматином узкой полки в обнимку со своим рюкзаком, запертая наглухо. Состав тронулся. Город остался позади. Залитая щедрым солнцем степь развернула крылья в обе стороны от железной дороги. Обещала путешественнику разное впереди. Я не боялась. Наоборот!

Тут радиоточка прошлялась, попытала и звонкий мальчишеский голос запел:

– Я не знаю, что сказать тебе при встрече, Не могу найти хотя бы пары слов...

Наплевав на странные обстоятельства, настроение подпрыгивало до небес. Сердце радостно громыало в лад с колесным перестуком. Я бросила рюкзак на полку, подскочила и завопила:

– И снова седая ночь, и только ей доверяю я, Знаешь, седая ночь, ты все мои тайны!

Никогда бы я вслух не призналась, что мне нравится Ласковый май, но прыгать и петь приятно было зверски.

– Ты чо орешь?

Дверь купе уехала в сторону. На пороге стояла Катерина. Запах непереваренной водки заполнил тесное помещение всклянь.

Я не успела ответить. Катя сделала шаг и упала в дерматиновый комфорт служебки.

– И что б ни шагу! – поделилась она последней волей и вырубилась.

Я повернула запор на двери вертикально и укрыла женщину пледом.

Ласковый май гнал свой репертуар дальше. Я скинула кеды и залезла на верхнюю полку.

Спать. А что еще в поезде делать?

Я проснулась от страшного стука в дверь

– Катюха, чаю дай! Титан холодный! Вставай, запойная!

Катерина признаков жизни не подавала. Я спрыгнула с полки вниз. Дверь тряслась. Судя по звуку, лупили не только кулаками, но и сапожищами. Я напялила алую Катину беретку и форменную тужурку застегнула поверх платья. Повернула замок и отступила на шаг.

Дверь с грохотом уехала вбок.

– Катюха!

Громадный, голый по пояс и поросший диким черным волосом мужик оторопела уставился:

– Ты хто?

– Сменщица.

По грубому, со шрамом в углу рта, лицу поползли мысли. Пьяное раздражение менялось на радостную похоть. Не стесняясь ничуть, мужик сунул разрисованную лапищу в синие спортивные штаны с полосками по бокам и поправил там себя. Выдохнул и осклабился:

– Работаеть?

Короткий коридор накрыло водочным перегаром. Я взяла в руку сверток с сигнальным флажком. Просто было нечего взять. Инстинктивно чуяла в вопросе подвох.

– Чо молчишь, ластынька? Я спрашиваю: работаеть? – он щупал глазами меня от шеи до коленок. И обратно. Дернул горлом и громко сглотнул.

– Я чай сделаю, – проговорила я.

Мужик сантиметр за сантиметром втягивал себя внутрь купе.

– Чай подождет. Отведай-ка, ластынька, страсти моей нежной...

– Я те отведаю! Я те так отведаю! – Катерина поднялась вертикально с места, как зомби, – катись отсюдова, колобок...

Дальше шел непечатный поток, описывающий внешность, намерения и действия мужчины. Крик, мат и водочный дух. Проводница век не понимала.

– Чай будет сегодня или нет?

В переходе между титаном и служебным купе места не осталось вовсе. Невысокий дядя в темно-красном пиджаке на голое тело разделил собой меня и любителя страсти нежной. Низ его фигуры радовал все теми же спортивными штанами с тройными тонкими лампасами.

– Ты откуда? – малиновый пиджак забыл временно про чай.

Я почувяла, что врать не стоит.

– С Дона.

– Да ладно! – он заметно обрадовался. На кистях его рук и груди, видной между лацканами лапсердака, живого места не осталось от татуировок. – станица какая?

– Усть-Медведицкая.

– Землячка! А я Миша Арчеда. Слыхала?

Я кивнула. Кто ж не слышал про Мишу Арчеду? Воров в законе не часто родит Донская земля.

– Обнимешь?

Тут явно таился все тот же мотив. Я выставила ладонь вперед и отступила на шаг. Качнула отрицательно головой. Пауза повисла.

– Ну и ладно! – легко согласился вор, – эй! Братва! Кто зему мою обидит, тому вырежу грабли по самые яйца.

И все. Никто больше не интересовался мной. Я стала возиться с баком для воды. Мужики вернулись к картам. Катерина залегла обратно в щель между мирами. И храпела почти до самого Питера.

В Ельце я вышла купить какой-нибудь еды. Кругом торговали малосольными огурцами, вареной картошкой с укропом в кульках, свернутых из газеты, пирожками с повидлом и жереными семечками. Я, вытянув шею, пошла вдоль бабушек в белых платках. Женщины в ярких синтетических платьях громко зазывали любителей на свой товар. Я заметила в их корзинах поллитровые бутылки и четвертушки с самогонкой. Краснолицый милиционер прохаживался неподалеку, приглядывал за торговлей. Пахло железной дорогой, горячей пылью едой.

– Сестренка, на картофан полтинника не хватает. Одолжи, а?

Я посмотрела. Невысокий парень в изношенных джинсах и мятой рубашке. Смешные усики и бритый затылок. В каждом ухе по две отдельных серьги.

– Вот это глазищи! Это что ж за цвет такой?

Я не стала отвечать. Меня часто об этом спрашивают.

– Одолжи ему! – ворчливо вступилась за меня старушка, – отдавать-то как будешь? В Питере на Невском?

– А чо? И отдам. Мы музыканты, бабуля, а нами не пропадает. Подходи на Рубинштейна дом тринадцать, ясноглазая, я все верну.

Молодой мужчина усмехался и глядел на меня оценивающе. Это смущало. Гораздо больше, чем зоологическая похоть Колобка.

– Не надо. Я так.

Отдала старой женщине деньги за себя и за того парня. Взяла еще теплую картошку и огурцы в газете “Елецкая правда”.

– Вот послушай, – он остановил меня за плечо. – Там, где я, бабульки с вареной картошкой. Там подсолнухи осыпались в кульки. Там мохнатые окошки да лукошки. Там палят свои цыгарки мужики.

Парень прищурился хитро:

– Ну? Как тебе, ясноглазая? Нравится?

Я ничего не смогла поделать с собой. Я смутилась и покраснела.

– Вот черт бритай! Щас девку прям на глазах уговорит, – восхитилась старушка с картошкой.

– Тише, бабка, мы народ приличный, – притворным басом рекомендовался музыкант, – ну?

– Мохнатые окошки – это не звучит. А вот “подсолнухи осыпались в кульки” – это сильно, это стихи, – проговорила я себе под нос.

– А ты понимаешь в этом деле? – его ладонь ненавязчиво лежала на моем плече. Как так и надо.

– Я мечтаю научиться. До свидания, – я отстранилась.

– Мы в тринадцатом вагоне, ясноглазая. Приходи дальше сочинять, – смеялся мне в спину поэт.

ГЛАВА 2. Северная столица

Серый каменный город встречал дождем. Я вытащила из рюкзака куртку и надела.

– Это хорошая примета здесь, – ответил моим мыслям Миша Арчеда.

Я обернулась. Вся его гоп-команда небрито-заспанно-помято шевелилась в полупустой плацкарте. Нормальные пассажиры еще накануне рассовались по остальному составу.

– Я говорю, когда Питер встречает дождем – это к удаче, – повторил мужчина.

Надел под свой малиновый пиджак белую новую майку, но треники оставил. Наверное, в столицах мода такая.

– Тогда здесь живут сплошь удачливые люди, – я улыбнулась, – дождь тут идет всегда.

Миша кивнул. В сотый раз оглядел меня с ног до головы.

– Меня машина встречает. Давай подвезу.

– Не надо.

Поезд втянулся в коридор платформы.

– Мне не далеко. Я пешком дойду.

Молчаливая и строгая Катерина стояла на выходе, как постовой на часах.

– Прощайте, тетя Кать, будьте здоровы, – я немножко наклонила голову, прощаясь. Как учила бабушка.

– Проваливай, – хмуро ответила проводница.

Я видела потом, как она крестит меня вслед.

Мое “недалеко” оказалось почти в часе пути. Невский проспект пестрел мелкими и крупными вывесками и объявлениями, как какой-нибудь Гонконг. Статуи замараны зелеными потеками окислившейся бронзы. У входа в Елисеевский стояла очередь из женщин всех возрастов. Отоваривают талоны на сахар? На муку? На Желябова, за домом Зингера, а ныне Дома Книги, на лавке спали, обнявшись, бомжи. А в остальном, по проспекту шлялись приезжие, бездельники всех мастей, неслись по своим делам студенты и деловито сновали командировочные. Знаменитые питерские старухи несли свою нищету с достоинством фрейлин двора. Хотя, нет, не так. С достоинством делегатов съезда Коминтерна.

Четырнадцатый дом на Мойке. Фасад его выглядел вполне прилично. Бабушка объясняла, что зайти надо со двора, через арку в центре. А там лучше спросить. Почему, интересно? Я прошла вдоль двух зданий, никого не встретила. Нырнула в следующий страшноватый проход под домом. Во втором дворе-колодце имелся даже крошечный скверик. В его центре возвышался на круглом гранитном постаменте мужской бюст, капитально засиженный голубями. По краям стояли три каменных скамьи. Вместо четвертой красовались шеренгой автомобили, один другого лучше. Я угадала только один по круглому шильдику на капоте.

– Вы кого-то ищете? – седой пожилой мужчина смотрел на меня строго. Его плащу и черному берету исполнилось лет сорок, не меньше. И это совершенно не мешало взрослому человеку выглядеть элегантно.

– Мне нужен Кац Лев Аркадьевич, – я не стала скрывать.

– Ты откуда такая? – дед улыбнулся, – синеокая, загорелая.

– С Дона, – я улыбнулась в ответ.

– И как он?

– Бежит.

– А казаки?

– Возрождаются.

– Ну хоть одна хорошая новость с утра, – удовлетворенно кивнул прохожий и показал рукой, – вот эта самая приличная здесь дверь тебе нужна. Там обретается господин Кац. Адвокат и гомофоб.

Последнее слово удивило, но переспрашивать я постеснялась.

Дверь открылась сама, стоило мне потрещать механическим замком. Большой холл. Темнота. Тряпка какая-то. Я наощупь вынырнула на свет.

У застекленных полок с книгами стоял молодой человек и листал журнал.

– Оба-на! Ты кто? – удивился человек.

– Влада, – я назвалась.

Парень рассмеялся почему-то. А я, как та Татьяна, поняла: это Он. Высокий, русоволосый. Серые умные глаза под темными бровями. Нос прямой. Подбородок твердый, а вот губы подвели: мягкие слишком. Податливые.

Есть люди, которые умеют так улыбаться, что словно лампочку включают внутри и зажигают все вокруг. И в ответ им невозможно не улыбнуться. А заодно отправиться следом на край света. Вот такое обаяние.

– А я Влад, представляешь? – он протянул мне руку.

Я завороченно протянула свою. Навстречу.

Тут раздался хлопок и тусклый звон. Словно в стакан уронили резиновую гирию. Парень больно дернул меня за руку, и мы свалились за шкаф.

Трень-трень-трень. Я машинально подсчитала звуки. Пять. И стало тихо. Я хотела поднять голову и выглянуть. Посмотреть, что за ерунда такая.

– Лежи, детка, – раздался шепот, и тяжелая ладонь прижала мою голову к коврику.

– Что это? – я спросила в тон, чувствуя щекой пыльный ворс.

– Калаш.

– Где?

– Не знаю. Я бы стрелял с крыши дома напротив. Или с пожарки. Пожарной лестницы.

– А почему мы шепчемся?

Тупых звуков больше не прилетало. Влад снял руку с моей головы. Быстро перекатился к наружной стене комнаты и встал в проеме между окон. Ни одно стекло разбито не было.

– Ясно, – проговорил он сам себе. Обернулся: – почему шепчемся? Со страху. Я-то точно чуть в штаны не навалил. Глянь, малышка, брюки чистые?

Он повернулся ко мне спиной. Я, как дура, бросила взгляд на обтянутую синей джинсой задницу.

– Ну и как? – гадкий Влад заржал счастливо, – чисто?

А я справедливо усомнилась: точно ли это ОН.

– Дурак! – сделала единственно правильный вывод. Поднялась на ноги и подошла к окну.

Отсюда по прямой хорошо просматривалась крыша двухэтажки. Нет никого. Только старый ватник валяется у самого края. У меня хорошее зрение.

– Да не стой ты у окна! – сердито сказал Влад. Сам еще раз посмотрел в небо и ушел к дальней стене. – сюда иди.

Я не стала испытывать судьбу. Пошла к книжным шкафам. По дороге наступила на журнал, забытый шутником. Подняла. Мисс июнь глядела на меня с обложки Плейбоя. Ее крупные розовые соски призваны были поражать читателей в самое чувствительное место. Чем они и занимались.

– На тебя похожа, правда? – снова веселился пресловутый Влад.

Я лишилась дара речи, глядя в серые дурацкие глаза. И пухлый, как у бабы, смеющийся рот. Поняла окончательно: это не ОН.

В комнату вкатился коренастый человек с большой головой и блестящей плешью в седых кудрях. Его темно-красный халат развевался за плечами, как знамя. Белая сорочка, черные брюки со стрелками и бабочка под подбородком.

– Ну?! – заорал он без перехода, – Ну? Что скажешь, солдат? Кто был прав?

– Там на крыше уже никого нет. Но лежка была, ватник брошен, – отчитался Влад, мигом забыв глупо ржать.

– Нет, ты должен признать, Кир, что не зря я потратился на бронированное стекло. Не пробил АК! Между домами пятьдесят метров. Для прицельной стрельбы тьфу! И растереть, – толстяк был доволен собой необычайно.

– Если захотят убрать, уберут в любом случае, – заявил Влад, – гранату бросят и дыру в стене сделают. И в башке.

– Типун тебе на язык, болван, чтобы рот не закрывался! Я решу это в ближайшее время.

Мужчина развернулся всем корпусом и заметил меня.

– Влада? Боже мой...

Он пошел быстро вокруг меня, блестя лысиной и рея красным шелковым халатом. Доходил своим выдающимся носом мне до подбородка. Кац Лев Аркадьевич. Мой отец. Провозгласил громко:

– Как же ты выросла! Я помню тебя двухлетней крошкой.

– Трехлетней, – поправила я, не устояла, – у меня есть фото с датой.

– Да-да! – он не стал спорить. Остановился напротив. Уставился. Замолчал.

Прошло минут пять. Взгляд голубых, чуть навывкате, глаз сделался рассеянным. Мужчина поскреб плешь.

– Что же мне с тобой делать, девочка?

– Разве надо? – я удивилась, – ничего не надо со мной делать. Я в университет...

– Надо-надо, – хозяин квартиры энергично покивал, – видишь сама, какой у нас тут криминальный сюжет. Стреляют, гады, по окнам. Боюсь, как бы охоту всерьез не затеяли. Срочно надо разгребать. А ты вот что! Поживешь пока у него.

Лев Аркадьевич ткнул в сторону парня толстый палец.

– Я не хочу! – мы сказали это хором. Я и Влад.

– Глупости! – ответил нам хозяин квартиры, – пара недель всего, пока я не выясню, чья это самодеятельность.

– У меня однокомнатная квартира! – возмутился Влад, – Лев Аркадьевич! Зачем мне чужой человек в доме! Я не сплю один!

– Не истери, Кирсанов! Ничего страшного, потерпишь пару недель, от спермотоксикоза еще никто не умирал. Или тебе напомнить наши договоренности? – адвокат и гомофоб, по отзыву соседа, небрежно махнул на возмущение молодого мужчины.

– Но! – тот попытался еще что-то проговорить.

Но Кац приговорил попытку:

– Не обсуждается.

– Да хоть долг скостите, – тихо попытался все же торговаться напоследок заметно сникший Влад.

– Только проценты по сегодняшнее число, – снова сделав изрядную паузу, изронил адвокат

– Еще две недели плюсом, – сразу попытался развить успех парень.

– Успокойся, мальчик! Я спишу проценты с долгового обязательства по сегодняшнее число в случае, если! Первое: в том случае, если ты возьмешь на себя питание и мелкие расходы девушки, второе: если не пострадает здоровье и целостность. И третье: при отсутствии жалоб на тебя с ее стороны. Договор вступает в силу с этой минуты. Дикси, – безжалостно закончил торговлю адвокат.

– У меня есть деньги, – я решила вставить слово.

– Владушка! – сладчайше ласково переключился на меня Лев Аркадьевич, – подскажи, деточка, когда начинаются твои курсы в университете?

– Десятого.

– Вот и отлично! Оформляйся абитуриенткой, получи место в общежитии и так далее, а пока, от греха подальше, поживешь у своего как бы тезки. Он станет тебя оберегать, сопровождать...

– Кормить, поить, выгуливать и мыть лапы после прогулки, – осклабился парень. Глядел прозрачно светлыми от злости глазами.

– Да, Кирсанов, именно так. Прикажу грудью кормить – сделаешь и это. И не вздумай мне девушку попортить, слышишь? Не прощу. Малейшая жалоба с ее стороны и отправишься по ...

Тут адвокат глянул на меня. В голубых глазах стоял серый лед.

– Ладно. Сам все знаешь, Кир.

Снова повисла пауза. Я старалась в сторону Влада не смотреть. По-моему, он делал то же самое.

– Хся! – внезапно заорал адвокат, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности, – к нам Владочка наконец-то приехала. Давайте уже будем немножко кушать. И засранец Кирсанов тоже здесь. Ведь ты же знаешь, как он много ест в гостях.

Почему-то подсознательно я вообразила неведомую Хасю маленькой и толстенькой. Все люди, которые кормят других, обычно так и выглядят.

Из-за очередной занавески появилась худая высокая старуха. Принесла с собой запах куриного бульона и валериановых капель. Ее черные крупные кудри основательно измазала седина. И густые брови тоже. Желтоватая кожа натянулась пергаментно на скулах.

Взрослая женщина уставилась на меня острыми коричневыми глазами. Я невольно выпрямила спину. От сверлящего взгляда хотелось спрятаться. Или хотя бы сделать шаг назад. Настоящая фея Карабос! Да уж эта, пожалуй, накормит. Тут она перевела глаза на молодого мужчину. И лицо ее неизъяснимым образом переменялось. Стало моложе и, как будто румянее. Улыбка сделала щель рта человеческое гораздо. Вокруг глаз разбежались морщинки.

– Здравствуй, Владимир, – сказала дама густым басом. Глядела исключительно на парня.

– Здравствуйте, Мария Аркадьевна, – Кирсанов по-гусарски махнул башкой и щелкнул каблуками.

И до меня дошло. Она сестра наверняка адвокату. Вон носы-то одинаковые. Тетка мне родная, значит.

– Прошу в столовую, – провозгласила женщина. На старуху теперь точно не тянула.

– После вас, – Влад-Владимир продолжил строить из себя бравого офицера.

– Я так рада видеть тебя всегда, Володя, – расточала улыбки мадам Хся-Мария Аркадьевна.

– Так, – сказал хозяин дома, подхватил меня под руку и распахнул дверь, – идем, Владочка. Курочка остывает. Хотя, лично я ничего не имею против холодной курочки. А ты, деточка?

ГЛАВА 3. Кирсанов

Он спустился по лестнице первым. Нарочно пошел вперед быстрее, чтобы я осталась за спиной. Дверь для меня не придержал. Ни из квартиры, ни в подъезде. В парадной, как здесь говорят. Про то, чтобы забрать у меня рюкзак из рук, про то и заикаться смысла не было. Словом, демонстрировал всячески, как он не рад моему обществу. Я мысленно пожалала плечами: я не напрашивалась. В понедельник заселюсь в общежитие универа и адью.

Кроме рюкзака я несла пирог в белой бумаге. Хася Аркадьевна специально для обожаемого Володечки вынесла. А он взял и проигнорил влюбленную в него женщину, спиной повернулся и буркнул:

– До встречи.

Я взяла. Пожалела тетку. Хотя слепому ясно было, что для меня она легко пожалела бы кусок обертки.

Единственная черная машина в сквере мигнула фарами, встречая хозяина.

Влад сел за руль. А мне куда? Вперед, назад? И пирог в руках. Я стояла, он сидел. Я поправила лямки рюкзака и направилась к арке под домами.

– Куда это ты собралась? – изволил спросить Кирсанов, когда машина поравнялась со мной.

Я не ответила. Вошла в узкий туннель под домом. Черная машина вынужденно поплелась позади.

– Я спросил! – он поравнялся снова.

Первый внутренний двор был заставлен автомобилями. Я спокойно ушла к самой стене здания.

Пришлось гордому Владу выйти из своей блестящей тачки и пешочком меня догонять. Догнал. Не стал тратить время на разговоры. Схватил за плечо и потащил к машине.

– Помогите! Насилуют! – заорала я. Но не в полную силу. Пока.

В паре окон на первом этаже появились заинтересованные и немолодые лица.

– Хочешь орать, чтобы услышали, ори “Пожар!” – проговорил Влад, но руку мою отпустил, – хватит выделяться, садись в машину.

Я молча смотрела на него. Он так же пялился в ответ. Потом перевел взгляд в сторону дороги. Потом забрал из моих рук пирог и снял с плеч рюкзак.

– Идем.

Я пошла следом. Он открыл мне заднюю дверь, дождался, когда усядусь и закрыл. Так аккуратно и неслышно нежно закрывают двери в машинах люди, которые оочень дорожат своими любимыми лошадками. Видать, Влад Кирсанов как раз из таких.

– Слушай, девочка, что я тебе скажу, – заговорил он минут сорок спустя.

Я рассматривала город. Красиво. Дома, мосты, соборы. В какой-то момент имперская архитектура закончилась. Началась знакомая советская.

– Меня зовут Влада, – напомнила я. И добавила: – Володя.

– Меня зовут Влад, – утвердил он с хорошим нажимом.

– Не могу сказать, что это приятно, – съязвила я.

– Присоединяюсь, – ухмыльнулся Кирсанов, – я тоже не в восторге от твоего общества. Но ничего не поделаешь, придется терпеть друг друга.

– Целую неделю? – ужаснулась я.

– Кто знает? Возможно, две. Но обычно Африканыч решает свои проблемы быстро и эффективно.

Влад говорил, то и дело взглядывая в зеркало заднего вида. Заметно было, что злиться перестал. Отходчивый такой или затаился?

– Африканыч?

– Тсс! – ухмыльнулся парень, – Кац не любит это прозвище! Не вздумай его так в глаза называть, детка, обидишь наверняка.

– А я не люблю, когда меня называют деткой! – вставила я свои пять копеек в тему обращений.

– Ничего не поделаешь, котенок, я буду называть тебя так, как захочу, – мужчина окончательно смирился с судьбой и веселился, – царапка-котик, злой котик! Конфетка...

– Я не Катарина! – я с удивлением уставилась в спину парня.

Он с изумлением уставился в зеркало на меня. Сзади истерично сигналил троллейбус. Зеленый светофор горел уже секунд десять.

– Катарина?

Влад поехал вперед. Кругом маячил строительный пейзаж. Краны, самосвалы, мусор и заборы. Куда тут едут люди в троллейбусах?

– “Укрощение строптивой”, Шекспир, – высказалась я. И пожалела: наверняка теперь будет изгаляться надо мной. Мне частенько доставалось по жизни за излишки интеллекта.

– Умная, значит, – сделал вывод мужчина, – ну-ну.

Минут через двадцать картина за окнами автомобиля поменялась снова. Шестнадцатизэтажки в геометрической сетке асфальта и молодых зеленых берез. Такие есть в любом крупном городе СССР.

– Правила такие, малыш, – сказал Влад, внося мои вещи за порог своей квартиры на предпоследнем этаже.

Я решила не спорить с дураком. Пусть хоть горшком зовет, лишь бы в печку не ставил.

– Я здесь главный. Это раз, – он глянул мне в лицо для контроля, – скажи “да”, если услышала.

– Да.

– Все твои перемещения по городу я должен знать. Это два.

– Угу.

– Ничего без спроса в доме не трогать, особенно если меня нет. Три.

– Ага.

– Есть все, что дают, мыть за собой посуду, полы, горшок и ванную. Предупреждаю сразу и навсегда! Я брезгливый и злой. Тебе ясно?

– Ясно.

– И если я сказал: марш в кладовку, то ты ныряешь туда на счет “два” без разговоров и сидишь там, как мышка. Это пять. Пока хватит. Остальное потом придумаю.

– В кладовку?

Я сняла кеды и сделала пару шагов в непривычно пустое пространство. Метров сто квадратных. Мне так показалось. Деревянный брус на полу гладким лаком холодил ступни.

– Это здесь, – Влад отодвинул дверь вбок. Титаново-серым цветом она абсолютно сливалась со стеной, – тут будешь жить.

Я осторожно заглянула. Длинное помещение. Справа полки и вешалки, практически пустые. Мужчина явно не страдал вещизмом. Да и разнообразием в красках. Снова серая гамма, на пару тонов светлее. Радовало только окно в торце. За стеклом виднелось голубое небо в просветах белых облаков.

– А спать как же?

Я старалась не показывать, насколько растерялась в его безликом мире.

– Я привезу к вечеру раскладушку или матрас. Располагайся. И помни, мамзель Кац, всегда смотри первое правило! Я поехал.

Он улыбнулся. По моей личной десятибалльной шкале пункта на три-четыре.

– А я?

– Нет второго ключа, – улыбка скатилась на два балла, – придется сделать.

Хозяин квартиры до ночи так и не появился. Я проторчала взаперти весь день. И весь вечер. Сначала стеснялась и, согласно правилу, какому по счету, не помню, нос любопытный никуда не совала. А потом стало скучно, и я разглядела все, что сумела открыть. Хотя таких странных хором ни в одном кинофильме мне видеть не приходилось, даже про американских инопланетян.

Во-первых, дверь в тубзик здесь была стеклянная. Хорошо, что на ней имелись матовые полосы и кольца. А то совсем неприлично. Ванны никакой не имелось, вода лилась с потолка и убегала в слив на полу. Рядом с унитазом я увидела еще один. Ну не такая уж я деревенщина, видела биде в кино и в книжках читала.

Во-вторых, все, что было возможно, все было спрятано в шкафы и замуровано в стены. Тогда я принялась открывать и раздвигать все подряд, что хоть чуть-чуть наводило на мысль о дверях. Обнаружила огромный пустой холодильник. Спрятала туда пирог. На толстой двери стояли бутылки. Я прочитала этикетку, оказалось, что это вода. Значит, от голода и жажды я здесь не помру. Недельку продержусь, точно. В следующем шкафу нашла разные красивые фиговины. Хромированные и с кнопками. Этот самый Влад явно увлекался автоматизацией процесса готовки. От серебристо-черного ящика вкусно пахло кофе. Я хотела ткнуть пальцем в центральную кнопку, но побоялась. Да и правило само вылезло на ум. Номер три.

Согласно четвертому правилу, я съела кусок пирога. Он оказался с рисом и яйцом. Вкусный! Постеснялась брать воду в бутылках. Налила в свою собственную дорожную кружку из крана в умывальнике и напилась тепловатой невкусной воды.

В-третьих, мне повезло включить телевизор. Огромный. Он стоял на железной тележке с черными колесами. Там же имелись еще какие-то ящики. Что-то для воспроизведения музыки, наверное. Я не музыкальна, увы, и про такие вещи ничего не знаю. Но телек заработал, пульт от него меня слушался. Я опустилась на тахту, единственное место здесь, куда можно приземлиться, кроме пола. И благополучно засела глядеть сериал про американских врачей.

Кирсанов не появлялся. День сменился ночью за стеклянной стеной. Подвиги Скорой помощи уступили место городским новостям. Я узнала, что приехала на гастроли группа “Ласковый май”. Хотела бы я пойти? Часы показали начало двенадцатого ночи. От Кирсанова ни слуху, ни духу.

Я оглядела тахту. Размер приличный, конечно. Четырех таких худышек, как я, легко можно утолкать. Нечего делать! Еще вообразит, что я напрашиваюсь!

Я стянула с ложа тяжелый плед и поволокла в кладовку. Соорудила спальное место у стены под самым окном. Оно, кстати, выходило на север. Большая медведица в компании с Полярной звездой подмигивали вполне дружелюбно. Небо чистое. Завтра будет солнечный день? Я умылась в раковине, как смогла, душ включать не рискнула. Все маниакально протерла за собой. И легла спать в кладовке, вручив судьбу Богу.

Тум-тум-тум! Я села, ничего не понимая спросонья. В приоткрытую щель двери просачивались разноцветные пятна света и грохот ударных инструментов. Где-то на втором плане слышалась музыка и смех.

Я подкралась и выглянула наружу. Какие-то почти голые люди рвано двигались в мелькании света и тяжелом ритме. Я никак не могла определить, сколько народу собралось. Да оно мне и не надо, тем более, что я разглядела наконец загулявшего хозяина в одних джинсах. И девушек без ничего. То есть голых совсем. Одна подпрыгивала и глотала что-то из характерной бутылки. Шампанское? А две других. Только две? Не видно. Они обнимались с мужчиной. С

Кирсановым. Который забыл про мое существование. Или чихает на приказы Каца Льва Аркадьевича далеко и с чувством.

Да плевать мне! Я попробовала задвинуть дверь до конца. Там что-то мешало в нижнем рельсе в полу. У меня и вечером не получилось запереть дверь на защелку. Подвижная створка упиралась и стояла в десяти сантиметрах до притолоки.

Грохот сменился плаксивой рок-балладой. Гитара жалобно визжала тонкой нотой о неразделенной любви.

– Девочки не ссорьтесь, – ржал Кирсанов, – меня на всех хватит. Ты, как там тебя, соси первой.

Ну вот! Не хватало мне еще слушать! Я дернула дверь. Ноль.

– Не кусаться! Или я обижусь и выпорю. Нежно, киска, нежно язычком по кругу...

Я пихнула дверь изо всех сил.

– А ты иди сюда, кисуля, двигай свою писечку ближе, вот так, уууу, сладкая...

Да что же это такое! Я налегла всем телом на упрямую створку. Блям! Что-то звонко выскочило и исчезло. Дверь встала на место и сразу щелкнул замок. Я вдавила серенькую кнопку на ручке до упора. В кладовке воцарилась почти идеальная тишина. Только ударные вибрацией в пол утверждали ритм новой композиции, но совсем не навязчиво. Я укрыла голову курткой. Стало совсем хорошо. Сражение с дверью выбило меня из сил.

– Суки, воздух! Где воздух! Где свет!

Я снова села, разбуженная истошным криком. Посмотрела в окно. Темно. Злополучная ночь не желала заканчиваться.

– Убью! Где свет? Где воздух?! – орал Кирсанов где-то совсем близко за дверью, – воздуха мне, суки! Дайте воздуха!

Дверь в кладовку содрогнулась от ударов. Головой бьется?

Я отщелкнула замок и открыла проем полностью. Обе Медведицы совершили свой путь и теперь глядели из неба со стороны стекла комнаты. Полярная звезда сияла ровно над левым ухом господина Кирсанова. Он стоял абсолютно голый на пороге моего убежища. Я не сразу разглядела закрытые глаза и черный пистолет в руке.

– Где свет? – спросил он у меня строго.

– Сейчас, – ответила я.

– Иииииии, – донеслось тоненько со стороны входной двери. На грани истерики.

– Убью! – крикнул он в ответ, не оборачиваясь. И снова мне: – воздуха нет, ты понимаешь?

– Я понимаю. Сейчас все сделаю.

Я сделала два шага назад и открыла узкое окно. Сразу потянул, прогоняя тепло, тревожно-ледяной сквозняк, и гул ветра наполнил помещение. Потом включила ряд ламп в потолке. Так себе освещение.

– Теперь нормально?

Я старалась говорить спокойно, без всякого выражения. Как будто боялась потревожить спящего ребенка.

– Да, норм, – мужчина кивнул и сначала сел, а потом лег на мою импровизированную постель.

– Убери на место, – приказал, протягивая пистолет.

Я взяла. А куда деваться? Тяжелое оружие тускло отливало вороненым металлом в свете все той же Северной звезды. Влад лег на бочок, близко притянув коленки к животу. Если честно, смотреть на него было жалко и стыдно. Я, пряча глаза, осторожно укрыла его своей курткой.

– Одеяло принеси, холодно, – заявил он все тем же непрекаемым тоном, добавил: – воздух не забудь.

Глаз не открывал. Зрачки не бегали под веками.

Три подружки героя сидели у входной двери. Держали свои шмотки в руках и боялись пошевелиться. Заметили в моей руке пистолет и разом прикрыли кудрявые головы руками.

– Чо сидим, кого ждем? – я усмехнулась, – одевайтесь и брысь отсюда.

– Как ты с ним живешь? – решила спросить миниатюрная блондинка, натягивая трусы, – он же псих!

– Родню не выбирают, – заявила я солидно. После паузы.

Разглядывала девушек. Красивое у них белье, ничего не скажешь. Черное с блестящими серебряными нитями. И платья, как в кино. А уж туфли! Шлюхи – одно слово. Путаны?

Девчата, не чуя от меня зла, очень быстро забыли бояться. Стали намекать, мол, Влад им денег остался должен, и на такси нету, и детишкам на молочишко надо бы отсыпать.

– Я ничего не знаю, – я небрежно помахала пистолетом вправо-влево, – хотите, разбужу и спрошу?

Девочки исчезли в полминуты. Хорошо, что длинный штыр ключа с двумя хитрыми бородками я заметила на полу возле своей двери и быстренько отомкнула входную. Неужели Влад хотел кладовку им открыть? Совсем у него с крышей беда.

Я завернула оружие в газету и положила в красивую большую корзину из белого ажурного пластика. Та стояла в ванной комнате в углу, пустая, как многое здесь. Рассвет серел на востоке. Белые ночи скоро в этом северном краю. Спать не хотелось. Хотелось выпить горячего чая и съесть кусок пирога.

– Ты где? – донеслось до меня из кладовки.

– Я тут, – я подошла.

– Я замерз, где одеяло? – хозяин квартиры перестал командовать, говорил жалобно. Но глаз не открывал.

Я нашла одеяло в ящике тахты и подушку. Принесла, укрыла, да еще подоткнула со всех сторон. Чтобы не просыпался и больше нагишом не бегал, пугая всех и вся. Вспомнила его нагую фигуру с пистолетом и прыснула.

– Хорош ржать. Руку дай, – высказался совершенно трезвым голосом Кирсанов.

Я заглянула в его спокойное лицо на подушке. Спит. Спящая красавица. Он неожиданно цепко ухватил меня за левое запястье. Пару раз я пыталась высвободиться, но он сразу держал сильнее, почти больно.

Ничего не оставалось, как улечься с ним рядом и уснуть. Я тщательно проложила между нами одеяло.

ГЛАВА 4. Столичные нюансы

– Ну, как твои дела, Владочка? – Лев Аркадьевич глядел на меня с удовольствием, – сдала документы на поступление?

– Дела нормально. Все оформила. На курсах уже была. Очень интересно, – бодро отчиталась я.

Мария Аркадьевна только один раз выглянула в приемную, где мы беседовали. Не обнаружив Кирсанова, она скрылась. Вероятнее всего, навсегда.

– Мне приятно, девочка, что ты держишь меня в курсе своих дел, – говорил между тем господин Кац, раскладывая документы на огромном столе в ровные стопочки, выходило их не мало, – хотя я бы предпочел видеть тебя на юрфаке. Юриспруденция – будущее этого мира.

– Судя по стрельбе по вашим окнам, очень отдаленное будущее, – я улыбнулась.

Мой отец улыбнулся и показал большой палец:

– Не плохо, малышка. Но есть и плюсы: весь этот криминальный бардак позволяет сделать имя талантливому человеку на порядок быстрее.

– На памятнике посмертно?

Я сегодня просто фонтанировала черным юмором. Интересно, с чего бы?

Кац кивнул и показал два пальца:

– Отличное чувство юмора, Влада. Хотелось бы знать, от кого навеяло? Насколько я помню, Мария Ивановна им не отличалась. Да и маменька твоя, красавица бесспорная, но далеко не умница...

– Разумеется от вас, Лев Аркадьевич, больше ведь никого не осталось.

Зря я, наверное, так панибратски болтаю с Львом Аркадьевичем. Ничего, кроме того, что он был женат на моей матери целый год и восемнадцать лет назад, я ведь не знаю.

Солидный мужчина рассмеялся. Но глаза остались холодными. Льдисто-голубыми. Я заметила – это их естественный оттенок. Пауза стала затягиваться. И на это я успела обратить внимание: Кац предпочитал вот так внезапно-нелогично зависать в разговоре, ожидая, как поведет себя собеседник. Утонет или поплывет к своему берегу. Я про себя загадала: в какую тему вырулит заумник юрист? Учеба, стрельба, Кирсанов?

– А не позавтракать ли нам, дорогая?

Не угадала.

ЛА сделался сама любезность и простота. Откинул темно-красную плюшевую штору и дверь запахнул. Мы оказались в знакомой столовой.

– Кушай, Владочка. У нас сегодня отличный стол. Пармезан, финское маслице, багет, сом на гриле, большой курник и рисовая сладкая каша с пенками. Хася расстаралась, надеялась, что Владик тоже будет. Как вы с ним поживаете? Не обижает?

Я испытала сильное искушение рассказать про художества его должника. Еле удержала себя за язык. Я заметила хрящеватое ушко Хаси Аркадьевны в дверных занавесках. Мечтает услышать новости о своем любимце?

– Мы почти не видимся, – сказала я и не соврала. Если только чуть.

Солнечным утром после эпичной беготни с пистолетом и без трусов, Влад проснулся, как ни в чем не бывало. Разлегся в центре пледа. Просунул нахальную лапищу под мое одеяло и погладил по бедру.

– Давай поласкаемся, детка.

Он попробовал пощупать меня за грудь. Я, не оборачиваясь, зарядила ему пяткой куда придется. Пришлось неплохо, потому что приставучий гад охнул и выругался:

– Блядь, разве ж так можно! Больно!

– Так тебе и надо, – я выбралась из-под одеяла, одернула белую майку к коленкам и отошла подальше к окну, – нефиг лезть, куда не разрешают!

– Не разрешают? – искренне удивился парень и сел, – с какого же хрена я тут голый торчу?!

– А кто тебя знает?! Ты сам прибежал, – я воззрилась на него с интересом. Вот молодец! Вроде, как не помнит. Я не я, и лошадь не моя.

– Я? – Кирсанов неожиданно смутился, потер ладонями лицо и сказал гораздо спокойнее и тише, – отвернись, Влада. Я встану.

– Да с чего бы мне отворачиваться? А то я на тебя вчера не насмотрелась. Рассекал по всей квартире в чем мать родила, – я хмыкнула. Сложила руки на груди кренделем.

– Еще что творил? – глухо спросил Влад. Спустил ноги на пол, но подниматься обнаженным все-же на решался. Неужто стесняется?

– Пистолетом размахивал, орал и ругался, девушек своих напугал до полусмерти. Они, кстати, утверждали, что ты денег им должен остался, так ты узнай на всякий случай, вдруг правда. А то неудобно получится. У тебя клаустрофобия?

Я была совершенно уверена, что он не признается.

Влад поднял голову. В лице его злость перемешалась с непонятным чувством. Обиделся, что я так много о нем теперь знаю? Или потому, что не хочу пожалеть его несчастенького и поласкаться? Фу! Слово какое гадкое!

– Что и девки были? Ты их прогнала?

Он говорил тем же глухим голосом. Смотрел в гладкий вишнево-золотистый пол.

– Я никого не прогоняла. Ты их так напугал, что только пятки за..., – я не закончила.

Влад поднялся во весь рост и, придерживая себя рукой, ушел в туалет. Вчера он и в половину так собой не впечатлял. На спине слева от позвоночника, в районе нижнего ребра, у него чернели две татуированные розы. Пижон.

Я не стала дожидаться, пока он закончит свои водные процедуры и отправилась в универ. Кстати, замок железной входной двери открывался как снаружи, так и изнутри тем самым штырем с двойными бородками. По-моему, это неудобно страшно. Ключ в замке был.

День проскочил незаметно. Я сделала кучу дел. А заодно узнала убийственную новость: четвертым экзаменом здесь практиковали иностранный язык. Судя по моему аттестату, это должен был быть немецкий. Я не особо надеялась поступить в уважаемое учебное заведение с первого раза, но надежда тлела. Теперь погасла начисто. Я не знаю НИКАКОГО иностранного языка. Чему только не учили меня и класс постоянно исчезающие учителя! Даже итальянский залетел как-то на нашу станичную орбиту. Учительница немецкого была последней в моей школьной биографии. Ее язык с певучим армянским акцентом сделал отметку в моем аттестате. Знаний, правда, не прибавил. Но я решила, раз уж я здесь. Все равно, испытания я пройду, охота все же поглядеть, что тут и как.

Аскетически украшенное метро, мчало меня на окраину. Последний отзвук советских строек уходящего века. Но мне нравился свободный, ничем не замаранный, жестковатый стиль. В нем звучал северный воздух и честность.

Я так задумалась над собой и над судьбой. Что начисто забыла про своего странного сожителя. А заодно забыла пообедать в центре большого города. В новостройной окраине, где гвоздем торчала восемнадцатизэтажка Кирсанова, эту задачу решить было невозможно. Да. Тут стоял гриль-ларек возле гастронома, но запах, который он издавал, мог соблазнить только покойника. Общей мелодией. Я, припомнив голодно пирог в холодильнике, смело направилась к дверям лифта одинокого здания. Неяркое здешнее солнышко спешило сбежать за крыши. Зря торопилось. Белые ночи толпились на подходе.

Повезло. Мы столкнулась в прихожей. Я вернулась, он уже обувался. Черные туфли, черные джинсы, ярко-белая рубашка и новая куртка из глянцево-черной кожи. При мне этикетки ножом срезал и на полку у зеркала бросил. Ни полслова не сказал, словно я его обидела. Чем?

Матрас или раскладушку не принес. Ключ для меня не сделал. Еды никакой, я даже не знаю, как горячего чая напиться. Ни одного своего обещания не выполнил. Ночевать не пришел.

Утром третьего дня я доела до последней крошки засохший пирог, напилась привычно водопроводной воды, положила свои зубную щетку и пасту в рюкзак. Хватит тут торчать непрошеным татаринком. Место в общежитии мне выдали, пора переезжать.

Пока я раздумывала, как мне выйти из квартиры, раздался телефонный звонок. Я удивилась страшно, понятия не имела про здешнюю связь. Ни разу за три дня ничего такого слышно не было. Вряд ли это мне звонят. Я не стану брать трубку.

Телефон звонил и звонил. Я нажала на кнопку ответа.

– Слушай, матрешка, сюда, – проговорил на мое простоватое “але” взрослый женский голос, – метнись шementом сюда, на Заневскую. Забирай своего чемпиона, пока остальные не прочухались, поняла?

– Я не могу из квартиры выйти, у меня ключа нет, – призналась я неведомой тете.

– О-па, – прищелкнула та языком, – тебе скока?

Я не понимала. Сказала наугад:

– Достаточно.

– Ты сеструха его, что ли? – обрадовалась счастливой мысли хриплая женщина.

– Ну, даааа, – я на всякий случай оттянула гласную подлиннее, как моя соседка по улице, четырнадцатилетняя Танюха.

– Повиси, – выдала непонятное снова указание тетя, и продолжила нежным шепотом вбок, – Володя, красавчик мой, как из хаты твоей выйти?

Прошли бессмысленные минуты уговоров и мычания в ответ. Я тихонько положила черную радиотрубку panasonic на полку в коридоре рядом с одежными итальянскими бирками. Внимательно оглядела пространство. Вот не может быть, чтобы все эти потайные двери, хитрые чайники и кофеварки, кладовки с неяркими лампочками в углах организовал здесь Владик Кирсанов. Тяму у него столько нет. Другой человек тут старался. Я провела с нажимом кончиками пальцев по периметру металла двери. Железка, секунду посомневавшись, упала мне в ладонь.

– Привет, – сказал я ключу.

Тот, понятное дело, не ответил. Зато в скважину лег, как дуся. Дверь отомкнулась беззвучно.

Кирсанов, что он за человек? Врет постоянно и всем, кто попадается. Я вернулась к телефонной трубке. Там истерили короткие гудки. Я собрала всю свою наличность в кошелек и отправилась на Заневскую площадь.

На площади у метро ко мне прицепился таксист. Молодой, с масляными глазами и мокрыми губами. Норовил за руку зацапать. Я уж было хотела заорать на него во всю глотку, что бы отстал, но тут вовремя подошел пожилой дядька в кепке-восьмиклинке и прогнал его.

– Тебе куда ехать-то? – спросил он, оглядывая мое ситцевое платье и кеды.

Я сказала адрес.

– Что ты там забыла? – таксист сильно удивился.

– Брата надо забрать, – я решила придержиться этой версии.

– Понятно, – мужик кивнул, – а то я смотрю на тебя и никак в толк не возьму, вроде ты не тамошня. Не похожа.

– Не, я не тамошня, – я подтвердила на всякий случай, – я тутошня.

Пожилый человек усмехнулся и рассказал, как мне добраться до места на метро.

– А там дворами. Вот так и вот так, – он доходчиво рисовал карту в воздухе грубым рабочим пальцем, – ты сама откуда, синеглазая?

– Я с Дона.

– И как он?

– Бежит.

– Ну и слава Богу...

Дом, который мне был нужен номера на фасаде не имел. Но таксист предупредил заранее:

– Это бывший склад, дверь там одна, но звонок есть. Если вдруг не откроют, скажи, что Степаныч тебя привез. Это я. Если и тогда не отзовутся, то я не знаю. Они там раньше пяти вечера не откликаются. Особенно чужим.

Я нашла звонок и нажала на кнопку. Когда-то красные кирпичи постройки плотно покрывали слои граффити. “Цой жив!” и “Любовь стоит того, чтобы ждать!” и другие лозунги. Я с интересом крутила головой и читала. Даже шевелила губами. Черный седан Кирсанова стоял в общем строю машин прямо на останках детской песочницы.

– Эй, коза! Чего тебе? – женщина с серым лицом и в сером халате выглянула в щель приоткрывшейся двери.

– Я за братом приехала, – ответила я.

– На чем? – насмешливо проговорила тетка, оглядывая пустынный замусоренный двор.

Когда-то, может быть, вчера вечером на ее глазах имелся макияж. Сегодня он рисовал черные круги на испитой физиономии.

Хорошенькие же места выбирает Владик для ночевки! Представить брезгливого чистюлю с семнадцатого этажа в такой компании пока не удавалось.

Я назвала братское имя, и меня изволили пропустить внутрь.

Мы долго шли по первому этажу. Двери по обе стороны коридора закрыты. А скорее всего заперты на ключ. Прокурено начерно. Краска стоптана на досках пола. Мне не нравилось тут. Ни одного окна. Интересно, клаустрофобия заразна? Как это в мультике? Это только гриппом все вместе болеют, а с ума по одиночке сходят.

Деревянная лестница повела вниз. Я охнула и зажала нос и рот рукой. Вот где воняло по настоящему! Кровь, застарелый пот, порох и сверху все крыл запах мокрого цементного пола. Куревом здесь тоже несло, но как бы благородно.

Здоровенная клетка. Пара веревочных рингов по сторонам. Тетка в сером, точная копия той, что вела меня сюда, неторопливо драила пол в клетке. Возила туда-сюда веревочной флотской машкой. Воды не жалела. Стулья с железными ножками штабелями стояли у стен.

– Хорош пялиться! Сюда иди, – из боковой двери позвала меня хрипатая женщина.

Больше всего она походила на атаманшу из сказки про Бременских музыкантов. Определить ее возраст я бы не взялась даже под пытками. Слой макияжа поражал мой наивный взгляд на женскую красоту.

– Вот он, – Атаманша ткнула пальцем в подушки черного кожаного дивана.

Влад лежал лицом вниз. Белая рубаха вымазана кровью и чем-то черным. Я постаралась не приюхиваться. Джинсы спущены до середины зада. Трусы уже привычно не просматриваются. Носок один. Признаков сознательной жизни никаких.

– Где его туфли и куртка? – я разозлилась. Почему я вечно влипаю в каждое дерьмо!

– Туфли?

У тетки в сером сделалось постное лицо.

– Не босиком же он пришел? – сварливо выступила я. Загнала руки в боки. – на нем была надета куртка итальянская, новая, черная, блестящая. И где документы, ключи и деньги!

Про деньги я просто так спросила. Не верила, что можно получить их хоть как-то.

– Клава, иди вон, – велела атаманша, – и куртку найди! Найду я – уволю.

– И туфли! – обнаглев, я крикнула следом.

– Владик тебе про деньги звонил? – тихо спросила Атаманша, закрывая дверь.

На каждом пальце у нее сияло по золотому перстню. Я где-то читала, что руки выдают возраст женщины. Ничего подобного! Пухлые пальцы с острыми черными ногтями ничем мне не помогли. От тридцати до пятидесяти. Да какая разница!

– А как же! Он всегда мне звонит, – врала я легко, словно только этим всю жизнь занималась, – говорит, проверь, сестрица, чтобы все было чики-пуки.

– Деньги вот, – дама вытащила из серого несгораемого шкафа синий пластиковый пакет с надписью МОНТАНА и желтым орлом, – я не взяла ни копейки. Ты Киру напхни, что он мне обещал...

– Напхни, – солидно пообещала я, принимая и складывая в пакет партмоне с паспортом, правами и с кучей других. Интересных точно! Бумажек.

Последними из сейфа ко мне перекочевали связка ключей и ножик-бабочка в узком чехле. Меня вдруг осенило:

– Слушай, сколько он тебе обещал? Давай, я сейчас отдам. А то Влад возьмет и не вспомнит, он такой.

– Нет, – загадочная девушка внезапно смутилась. Румянец пробился сквозь тон на щеках. – Мы с ним тут на диване. После матча. Ну. Ну, ты понимаешь...

До меня дошло через пару минут. Поласкались. Я снова солидно махнула челкой.

– Как-то я деньги брать стесняюсь, – закончила мысль Атаманша.

– Почему? – я искренне удивилась.

По моему неискушенному мнению, это-то как раз самое обычное дело здесь.

– Он у нас девушкам не платит, а наоборот, – продолжила рдеть и пыхтеть женщина.

– Девушки ему платят? – я честно открыла рот. Вот это разворот!

– Ой, да хватит прикалываться, – она махнула на меня разнокалиберными перстнями, – я тебе сейчас мужиков пригоню, они отнесут Володечку в машину.

Слава Богу, амбалы-вышибалы уложили “Володечку” на заднее сиденье. Посвистев и почмокав на марку автомобиля, они отошли в сторонку. Желали поглядеть, как я управлюсь с блестящей тачкой. У меня дома имеется автомашинка “Нива” 1978 года рождения. Я умею водить.

ГЛАВА 5. Абитура

– Вот тут будешь жить, – сказала старшекурсница Лена. Летний комендант общежития, – комната хорошая, укомплектованная. Девочки в стройотряд уехали. В Крым.

– Одна? – я расстроилась.

– Послушай, – Лена вытащила из нагрудного кармана джинсового платья сигарету. Понюхала и вставила обратно, – я людей насквозь вижу и тебя тоже.

Я приподняла брови в вопросе.

– Ты чистоплотная, некурящая и не гуляющая, тебе можно чужое добро доверить. Попадется еще одна такая же приличная, подселю. Сама никого ночевать не пускай! Обещаешь?

– А если человеку будет некуда идти? – отважилась возразить я.

– Так не бывает. Усвоила? Иди за мной, я тебе белье дам и матрас.

Я кивнула. Лена-комендант была примерно моего роста, только шире вдвое. И старше лет на семь. В комендантской я заметила мальчика с яркими черными глазами, он играл в тетрис и на чужих не отвлекался.

– Это твой сыночек? – спросила я, не подумав.

– Да, – лицо суровой начальницы расцвело в улыбке, – отец наш скоро армию отслужит и поедем домой. Или не поедем, я еще не решила. Ладно, Табунщикова, живи и веди себя прилично! Желаю поступить!

Я заперла свое новое жилье на ключ, на два оборота и помчалась на подготовительные курсы. Из-за гадкого вруна Кирсанова успевала только на вторую смену.

Занятие посвящалось самому страшному здесь экзамену: сочинению. Вел его молодой человек не старше тридцати. Очень спокойный интеллигентного вида аспирант в сером культурном костюме.

Две сотни барышень-абитуриенток сосредоточили на нем внимательные взоры. Приготовили ручки и карандаши. Аспирант утвердил себя за кафедрой на дне амфитеатра. Ни разу взгляда на девушек не поднял. Потом невнятно промямлил свое имя. Скучным голосом рассказал, что и как будет читать. Предложил конспектировать дословно и забубнил текст. Тишина сделалась мертвая, иначе не слышать. Через полчаса начали падать ручки в проходы между столами. Потом тетради. Еще минут через двадцать выпала первая уснувшая слушательница. Смутилась и под тихий девичий смех сбежала за дверь. Потом народ стал засыпать гроздями и уходить табунами. В итоге на втором академическом часе присутствовали исключительно первые два ряда самых стойких любительниц литературы. Их беззвучно поддерживали редкие представители сильного пола на галерке.

Преподаватель как бы невзначай уронил деревянную коробочку. С чем? Та с грохотом покатила по ступенькам. Задремавшие наверху ребята, смущенно извинившись, покинули зал. Наверное, решили, что проспали звонок. Лектор продолжил бубнеж. Я подумала, что надо бы пересесть вперед, там полно свободных мест. Это была последняя мысль, что я запомнила.

Очнулась от громкого стука. На лбу наливался горячим пульсом синяк. Я в ужасе глядела, как скачет вниз по ступенькам моя тетрадь и прыгает ручка. Девочки, зажав руками рты, оплакивали мое падение. Ржали до слез.

Тогда мужчина оторвал лицо от своих бумаг и впервые посмотрел на аудиторию прямо. Серые глаза, темные прямые брови. Яркий загар, редкий в здешнем холодном июне. На губах легкая улыбка, подбородок твердый и с ямочкой. Он, шагая сразу через две ступени, поднялся ко мне и собственноручно приложил к шишке что-то холодное. Металлическое.

– Надо бы медный пятак, да где ж его взять, – улыбался во весь рот лектор-усыпляльщик.

Дурочка Татьяна, в миг очнувшаяся во мне, испуганно поморщилась. Импозантный молодой человек, сразу напомнил мне гадкого Кирсанова. Такой же самодовольный и выли-

занный до скрипа бабник. Очень мне не хотелось так думать о воспитанном, интеллигентного вида аспиранте в сером официальном костюме. Но не выходило. Шестое чувство. Интуиция. Не ОН.

– Самым стойким полагается приз, – тем временем проговорил лектор вполне различным приятным баритоном, – предлагаю прогуляться пешком по набережной Мойки до Невского. И послушать околотитературную экскурсию. Местным девушкам это, вероятно, неинтересно...

Местные девушки, которых имелось абсолютное большинство, горячо и искренне возражали. Аспирант сунул свой кожаный портфель под мышку и повел девиц на выход. Четырнадцать душ. Разумеется, я пошла вместе со всеми.

Он рассказывал с элегантно забавностью анекдоты про Александра Сергеевича, Наталью Николаевну, Екатерину Николаевну и Жоржа де Геккерна. Был еще какой-то Николай Павлович, но на этом мои познания в биографии Поэта закончились. Я перестала понимать юмор чересчур тонкий для меня. Вертела головой по сторонам и не старалась заглядывать экскурсоводу в глаза. Заходящее солнце отражалось красным в окнах домов. Нагретый за день черно-красный гранит набережной отдавал обманчивое тепло и казался уютным. Даже дружеским. Мы миновали знакомый мне дом номер семнадцать. И номер двенадцать тоже прошли.

– У тебя необычное лицо, – произнес экскурсовод, отворачиваясь в сторону и закури-
вая, – ты не против?

– Против чего? – удивилась я. Не поняла вопроса.

– Против дыма. Ты не куришь? – мужчина опустил зажигалку в карман пиджака.

– Я бросила, – заявила я с самым серьезным видом.

Он подмигнул и рассмеялся.

Девочки пошли вперед, то и дело оглядываясь на нас.

– Экскурсия закончена, спасибо девушки за компанию. Жду всех завтра на занятиях, – он спрятал за спину дымящуюся сигарету и помахал девчатам свободной рукой. И не дожидаясь прощальных слов, повернулся ко мне, – по чашке чая, а?

И улыбнулся обаятельно и чуть нахально. Я не ошиблась: вылитый Кирсанов, только воспитанный. Или прикидывается ловко. Что ему надо? Поласкаться?

– Вернемся к твоему лицу, – лектор-просветитель-обольститель ловко бросил окурочек в урну и попал, взял мою руку и положил на свой правый локоть, – не возражаешь? Так вот. Как ты считаешь, природа носит красоту и ум в разных корзинах?

Я открыла было рот, но высказываться не требовалось. Мой спутник не нуждался в ответных глупостях. Шутливо порассуждал про университетскую ученость, которая, к сожалению, не делает прекрасную девицу привлекательнее в мужских глазах. Перескочил на девятнадцатый век, на сестер Гончаровых, на филологию и вырубил на загадочную разницу, которая известна всем. Разницу между литературным опусом и реальными отношениями между полами. Мужчина говорил насмешливо и издевательски заумно. Я потеряла нить и перестала слушать.

Мы спустились на три ступени вниз и очутились в чайной. Окна под потолком. Белая глянцевая плитка на стенах необычной восьмиугольной формы. Черный лак дерева и желтая латунь дверных ручек. Скатерти и лампы.

– С чего начнем? – он улыбнулся.

– Может быть, вы представитесь? – я хотела знать, как к нему обращаться.

Напольные часы в проеме между окнами пробомкали семь вечера. Ого! А солнышко сияет, как в обед.

Мужчина кивнул:

– Закат сегодня намечен на девять сорок вечера. Имею честь представиться в третий раз: Белозерский Николай Георгиевич.

Я назвалась. Мы пожали друг другу руки.

– Предлагаю подружиться, – Николай Георгиевич повторно наградил меня красивой коллекционной улыбкой.

– Вы хотите меня соблазнить? – спросила я в лоб. Интересно, ответит или будет выкручиваться.

Белозерский хотел засмеяться, но передумал. Открыл карту меню и спросил:

– А сколько тебе лет?

– Девятнадцать, – я смотрела внимательно. Не хотела пропустить ни одной его эмоции.

– Тогда не хочу, – легко заявил мой кавалер, не поднимая глаз от темно-красной папки, – но, если ты настаиваешь, то могу попробовать.

Я пропустила свою реплику, и воцарилась пауза. Мужчина легко преодолел ее:

– Так, Влада, я предлагаю курицу гриль, жульен, салат из свежих огурцов и сельдерея, черный чай и эстерхази.

– Это дорого, наверное, – усомнилась я в своих финансовых силах и разочарованная реакцией партнера. Я надеялась на зрелище. – Я лучше пойду.

– погоди, причем здесь деньги? Я пригласил, и я угощаю, – он хотел поймать меня за руку, но промахнулся, – не уходи. Мы ведь просто пошутили, да?

Я сама не понимала, почему вдруг резко подорвалась с места. Постаралась неторопливо отцепить сумку от стула, что бы не выглядело, будто я удираю.

Не отрывая глаз от пола, я двинула к выходу и влетела в крепкие мужские руки.

– Ш-ш-ш, не так быстро, детка.

Кирсанов стоял рядом со столом. На меня не смотрел. Только на аспиранта-лектора. Откуда он тут взялся?

– Любишь молоденьких курочек, Грэм? – с мерзкой улыбочкой спросил Влад.

– Люблю, – спокойно согласился Белозерский, – разве ты не любишь?

– А то как же! Не хотел тебе мешать, но это уже моя грядка. Я понятно сказал?

– Я услышал, Кир.

– Счастливо оставаться.

– Скоро увидимся, я думаю.

Мужчины посмотрели друг на друга в упор. Потом экскурсовод сел обратно за стол, а Кирсанов взял меня за плечо и вывел из чайной.

– Ты как тут оказался? – я с интересом оглядывалась. Черного седана Влада нигде видно не было.

Тени заострились на асфальте и желтой штукатурке домов. Солнце присело на края крыш.

– В окно тебя увидел. Из столовой Каца, – небрежно ответил мой спутник, – ты почему сбежала утром?

– Я не сбежала. Я на занятия отправилась. Я и так из-за тебя пропустила утренний блок. А что ты делал у Льва Аркадьевича?

– Отчитывался. В том числе и про тебя.

– Рассказал, что до сих пор ничего не сделал? Ничего из того, что обещал. Ни матраса, ни раскладушки, ни подушки? – я радостно рассмеялась. Представила физиономию Льва Аркадьевича. – Зато я понемногу привыкаю к Ленинграду. И к его жителям. А особенно к жительницам. Достопримечательности гляжу. За рулем твоей машины, когда вытаскиваю тебя из борделей. А ты, вместо спасибо, ходишь голый и хамишь.

Кирсанов хмуро посмотрел на меня. Потом отвернулся. Засунул руки в карманы и пошел вперед. Глядел прямо перед собой и молчал.

Так мы дошли до пересечения набережной с Проспектом. Влад повернул налево. Мне следовало двигаться в правую сторону. На метро.

– Ну пока, – сказала я в недовольную спину.

– Куда ты собралась? – тут же оглянулся Кирсанов, – Кац приказал, чтобы ты жила у меня две недели, пока он не уладит свои дела. Ты ему донесла, что в общагу свалила?

– Я не доносчик! – я возмутилась, – я с Львом Аркадьевичем не разговаривала и не виделась.

Влад внимательно поглядел мне в лицо. Словно хотел разглядеть, вру я или нет. Ха! Человек, который лжет постоянно, перестает отличать одно от другого. Это уж закон. Я легко выдержала его серый взгляд.

– Ладно, – проговорил снова небрежно мужчина, – мне нужно здесь в пару мест зайти, перетереть кое-что. Топай за мной и помалкивай. Поняла?

Совершенно не интересуясь ответом, Кирсанов пошел вперед. Я осталась на месте.

Никуда я не пойду. Я не обязана. Я устала так, что даже есть не хочу. А хочу я принять душ, пусть в общежитии нет горячей воды. Мне любая подойдет. И я мечтаю лечь в прохладные свежие простыни и почитать при свете уличного фонаря свои сегодняшние записи. Что я там понаписала? Много проспала?

Я зашагала в свою сторону. Каждую секунду переживала, что Влад догонит и схватит за руку. Не случилось. Я бросила монету в щель турникета и поехала вниз к тепло гудящим поездам.

ГЛАВА 6. Он или не Он?

На этаже пахло жареной картошкой. Мой пустой живот спел арию голодного гостя. Ввалился и прилип безнадежно к позвоночнику. По коридору бегали девчонки туда-сюда. На лестнице у открытого окна с умным видом курили парни. Вечеринка? Я ни с кем здесь знакома не была.

– Вы не подскажите, здесь столовая есть? Пожалуйста, – я сама почувствовала, что улыбка вышла жалкой, добавила: – спасибо.

– Столовка до девяти, но там наверняка уже нет ничего, – ответил мне плотный невысокий парень в черной майке с белым черепом, – могу проводить.

Я обрадованно кивнула. Остальной мужской коллектив, неумело отравляющий воздух в коридоре, поглядел на находчивого товарища с неодобрением.

Парнишу звали Григорием. Я люблю МШ и подумала, что это к удаче.

Мы пошли с Гришкой по студгородку. Здесь, в отличие от Главного корпуса универа, мужское население заметно превалировало над женским. Филфак, вечный девичий форпост, обучал, в основном, местных красавиц. Здесь жили историки, социологи и экономисты. Легкомысленный женский пол виднелся не густо.

Григорий всю здоровался с девушками. Правда, не все барышни отвечали ему взаимностью, но его это ни грамма не смущало. Человек перешел на третий курс, армия ему по близорукости не угрожала, в общаге он не жил, потому как коренной ленинградец, сюда приходил тусоваться и бухать.

– Ты бухаешь? – вежливо спросила я.

– Конечно! – легко признался мой провожающий, – поллитра водки запросто могу на грудь принять.

Я засмеялась. Сколько раз убеждалась по жизни: хвастуны – мой диагноз. А теперь еще и бабники. Где, спрашивается, ходят по планете нормальные парни?

– А с девушками ты просто лев, – кивнула я серьезно, – даже леопард.

– Нет, – вдруг отказался Гриня, – я скромный. Больше трех одновременно не позволяю себе.

Я засмеялась, припомнив враз Кирсанова с его сексуальным меню, и хлопнула спутника по плечу:

– Молоток! Я в тебе не сомневалась.

Гришка предложил забить на столовку, а сброситься на бутылку венгерского вермута и напроситься на вечеринку к девчатам.

– Тебя они, скорее всего и так пустят, а меня с флаконом не вытурят, – рассказал план мой смешной приятель.

– Я там не знаю никого, – я засомневалась.

– Брось! Ты ведь теперь их соседка. Да и ешь наверняка, как птичка.

– Я много могу съесть, – я сдавалась понемногу.

– Да ладно! – махнул рукой Григорий, направляя стопы к гастроному.

Хитрец Гриня рассчитал верно. К тому моменту, когда мы с вермутом в вытянутой руке появились на пороге комнаты, народ уже разложил салаты по тарелкам и выпил по первой за здоровье именинницы. Закусил и подобрел. Мой приятель произнес спич даже в рифму, и две девочки подвинулись на кровати у стола. Небрежно назвав своей девушкой, толстяк усадил меня в самый угол. Я улыбалась глухонемой стеснительной куклой, и на меня перестали обращать внимание.

Я действительно стесняюсь. Хотя многому научилась. Особенно за прошедший год, когда воображала, что хочу стать врачом и работала санитаркой на станичном фельдшерском пункте.

Вернее, я там исполняла все действующие роли и должности. Даже бухгалтера. Старик Платонов, разжалованный в фельдшеры за алкоголизм и вольнодумство, меня наставлял:

– Тебе, Владислава, нелегко приходится по жизни, – ему не нравилось имя Влада, называл по-своему, – красивой женщине всегда не просто. Бабы завидуют, мужики проходу не дают. Вот мать твою сжили с родных мест...

– Но бабушку-то, ведь нет, – я смеялась. Как выпьет по первой, так обязательно меня воспитывает, словно разминается перед остальной жизнью и бутылкой.

– Ну! Марь-Иванну кто тронет, тот дня не проживет, – Платоныч закашлял довольным смехом, – а я тебе советую: глаза прячь. Очки купи, челку отрасти. Или еще чего придумай. За такие глаза лет сто назад топили в омуте под монастырем без разговоров. Вот я тебе сейчас расскажу...

Все его байки я знала наизусть. И еще кучу других. С враками про ведьм у нас в станице нормально. Но кое-какие правила я для себя придумала: не лезть в глаза, а сидеть за чужой спиной да на ус мотать. С первыми красавицами не спорить. Мужчинам прямо в лицо не смотреть, а как бы на левое ухо, а лучше за спину.

С такой чушью в башке и моим высоким ростом я запросто могла бы сделаться тощей сутулой оглоблей с виновато опущенной к земле головой. Но у меня, слава Богу, есть бабушка. Хорошим хлопком между лопаток она вернула мне прежнюю осанку. И сказала:

– Никому не позволяй, Влада, управлять собой.

Вот это дело было непростым. Я стеснялась и свои правила употребляла по обстановке.

Я спряталась за Гришкину спину, тарелку держала на коленях. Он заботливо снабдил меня картошкой и пирогом с капустой. Ухажер. Я смеялась всем анекдотам подряд, своих не рассказывала и рассматривала новых соседок и соседей. Интересно.

– Угощайся, – через стол мне протянул большую яркую жестянку незнакомый человек, добавил, – не стесняйся. Как тебя зовут?

Прямые черные волосы ниже плеч распадаются в прямом проборе. Глаза голубые на смуглом лице. Джинсовая рубаха и такие же штаны. Уверенный в себе взгляд и белозубая улыбка.

Бедная моя Таня заколыхалась. Брюнеты – ее слабость.

– А ты угадай, – вовремя вставил реплику Гриша, беспардонно засовывая свою лапу в конфеты, – ты ж у нас угадчик-перехватчик.

– Какое-то необычное имя? – тут же среагировал парень. Глядел в глаза.

Красивый. Неужели тоже нахал и бабник? Не хотелось бы...

– Марсик! Ты перекрыл собой весь стол. Просто насыпь конфеты в тарелку, – сердито дала справа реплику хозяйка вечеринки.

– Ок, – отозвался Марсик. Вот это имечко! Как у кота.

– Погоди, – я успела закрыть глаза и всунула руку в жестянку.

– Что это ты делаешь? – изумился вездесущий Гришка.

– Тсс! – шикнула я. Выбрала на ощупь конфету и вытянула кулак наружу. Не разжимала. – это гадание такое. Сбудется-не-сбудется.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался брюнет. Обнялся с банкой и умудрился присесть на край моего стула, – расскажи подробнее.

Девочки за столом заинтересованно помалкивали. Хозяйка, она же именинница, поджала губы в досаде. Я заметно отодвинулась от парня и рассказала:

– Гадать могут те, кто любит конфеты, потому что после процесса их надо съесть.

– Это обязательно?

Марсик встал на ноги и пошел вдоль стола. Протягивал банку всем желающим.

– Допустим, есть желание сдать тест. Да или нет. Да – карамелька, нет – батончик. Берете конфетку, не глядя и не щупая. Вуаля! Ответ готов. У меня всегда сбывается, – я улыбнулась и разжала кулак.

Все, как приговоренные, поглядели мне в ладонь. Ярко-оранжевый кубик ириски. Гриня заржал первым. За ним подтянулась хозяйка, гости, красавчик Марсик. Хохотали громко и со слезой, словно не было на свете случая смешней. Я развернула фантик и виртуозно забросила ириску в рот. Что-что, а конфеты я есть умею.

– А у меня, между прочим, леденец, – высказалась именинница. Светлана, кажется. – можно считать его за карамель?

– Конечно. Любые правила, – я кивнула.

– Значит, сбудется! – она помахала кулачком над головой, – Марсель, ты ведешь меня в кино!

– Слушаюсь и повинуюсь, – махнул длинноволосой башкой Марсик, оказавшийся Марселем, – предлагаю коллективный поход в наш клуб на девять часов. “Маленькая Вера”.

– Фууууу! – зафукали девчонки со всех сторон, – гадость! Мы не пойдем...

– А ты смотрела? – обернулся ко мне парень.

Я кивнула.

– Не понравился?

– Нет.

– Почему?

– Такого вокруг по жизни полно, зачем еще в кино глядеть и деньги платить, – я повторила фразу нашей соседки слева. Фильма я не видела, но отзыв запомнила.

– А, – растерял аргументы собеседник, – тогда я не знаю. Светка! Какое кино смотреть будем?

Началось живое обсуждение мероприятия.

– Пойдем покурим, – вытолкал меня из-за стола Гришка.

Кто-то из девочек предложил перейти к танцам. Загремели, растаскивая стулья по углам и комнатам, никак не озвучившие себя пока молодые люди в очках. Совершенные филологи по виду. Кто-то из девчат со словами: “Твоя доля” всунул мне в пальцы стакан с вермутом. Я понимала, что если сделаю пару глотков, то усну неизбежно. Слишком длинный выдался день. Я осторожно попробовала. Кто-то догадался разбавить вино лимонадом. Вкусно.

Гришка что-то трывдел про себя любимого. Хвастался спортивными достижениями. Глядя на его рыхлую фигуру, смеяться хотелось бесконтрольно-безудержно. Я глотала газировку, хихикала и тыкалась лбом в мягкое округлое плечо приятеля. Пришли другие курильщики разной степени умелости. Вся компания вывалила к распахнутому настежь окну.

– А это еще кто?

Я выглянула из-за Гришкиного плеча. По коридору шел Влад. Улыбался своей знаменитой улыбочкой для девушек. В руке нес корзинку, сплетеную не из лозы, а из шпона. Такие обычно плетут из бересты, да где тут бересту взять?

– Привет всем. Разведка донесла, что тут у вас вечеринка. И кто виновница?

Как он так делает? Я с великим интересом пыталась постичь. Улыбается ведь всем, а кажется, что только одной тебе. Не знала бы этого типа близко, втюрилась бы с первого взгляда.

Светлана, тем временем, призналась. Кирсанов непременно желал знать имя. Девушка, счастливо улыбаясь, призналась и в этом. Он завел глаза к потолку, сделал паузу и продекларировал:

– Лунные поляны, Ночь, как день, светла... Спи, моя Светлана, Спи, как я спала!

Тут Кирсанов заржал, понимая как бы нелепость своего выступления. Но Светка слушала, приоткрыв рот. Тогда он оглядел всех девчат и попросил жалобно:

– Девушки выручайте! Как дальше?

– В уголок подушки Носиком уткнись..., – вдруг поддержала моего нахалу-декламатора Гришка, самая маленькая и самая голосистая из всей компании.

Влад кивнул и закончил с ней хором:

– Звёзды, как веснушки, Мирно светят вниз.

Он сдернул белый бумажный колпак и вручил хозяйке бала корзинку. Клубника. Красные ягоды благоухали так, что перекрыли собой вонючий дым табака. Девочки захлопали в ладошки. И кто-то крикнул:

– А у нас танцы!

– Я готов, – просто ответил Кирсанов и шелкнул по-гусарски каблуками английских ботинок. Этот фокус в его исполнении я уже видала.

Счастливые зрительницы повели красавца в комнату.

– Кто этот клоун? – сердито спросил Григорий, совершенно не околдованный представлением.

– Клоун, – хмыкнул Марсель, туша окурков в пустой консервной банке, – учись, босота, как надо с девицами обращаться. Эдак он любую в горизонт уговорит.

Брюнет оглянулся на меня:

– Пардон, мадемуазель. К тебе не относится. Не любишь стихи?

Он обеими ладонями отправил волосы назад и ловко перетянул черной резинкой в хвост. У нас в станице мужчины не носят длинных волос. Но ему идет.

– Ты так и не сказала, как тебя зовут.

– Угадай. – попытался было снова влезть в разговор Гришка.

Мы поморщились в его сторону одновременно. И засмеялись.

– Меня зовут Влада. Этот клоун, – тут я невольно поглядела в сторону распахнутой двери, где Кирсанов танцевал с виновницей торжества, что-то нежное втирал ей на ушко, – этот клоун – мой брат. И я люблю стихи.

– Я знаю всего Онегина наизусть, – вставил фразу неугомонный толстяк.

– Зильбертрудт, отвали! Дай с девушкой поговорить спокойно, – Марсик нормально терпел. Покраснел и закусил губу изнутри.

– Не надо ссориться, – попросила я.

Я внезапно поняла, как сильно устала. Второе за день явление Кирсанова выбило меня из сил.

– Я пойду к себе. До свидания.

Я пошла в конец коридора. Моя комната последняя слева. Я чужая удивленные взгляды в спину, но сил реагировать не достало.

Сквозь сон я почувствовала чьи-то руки. Перепугано села. Натянула одеяло до носа.

– Ты кто? – крикнула я шепотом.

– Конь в пальто, – сердито ответил Кирсанов, – ты почему дверь не заперла на ключ? Двигайся.

– Иди отсюда, – возмутилась я.

– Никуда я не пойду, поздно уже. Комендантша выход заперла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.